

Содержание

К Александре Шалашовой (Дмитрий Воденников).....	7
Пятьдесят писем к А. Л.	11
к В. П.	79
Другие письма. к Д.	97
к Вал.	105
к П.	109
ни к кому.....	117
к С.	127
крымские письма	139
к себе	147

К Александре Шалашовой

Звучащая внутренняя речь, неостановимый (читай, непрекращающийся) внутренний монолог заставляет тебя все время прислушиваться. Не к себе, к другим. Это парадокс. Кажется, уйди в себя, в свой щебет, в свою темноту. Но нет, нам всегда нужны чужие голоса.

Вот женщина стоит в переходе метро, продает ягоды (а ты выходишь из подземки). Что мне эта женщина, что автору эта женщина?

Но женщина стоит там и становится темой стихотворения. Для этого у автора должен быть особо устроенный взгляд — и хищный одновременно, и равнодушный.

на губах черешневый сок прощания
сладковато-терпкий привкус
это почувствуем
но никогда больше не остановимся
у выхода из метро
где у женщин
полные вёдра ягод
скоро солнце зайдёт
потекут через край вёдер
красные ручейки
добегут до волги
которая шепчет мол

заплела тебе косы
дала живые слова
ну как теперь ты меня предашь

Нас предадут, мы выйдем из метро и пойдём.

Так герой какого-нибудь нового фильма выходит и идёт. Он идёт не мимо зданий и не сквозь толпу, он идёт через стихи. Как будто через собственную пустоту.

Стихам нравится эта особая пустота.

Она особая – тягучая, чем-то наполненная. Стихи, собственно, и есть оксюморон: наполненная пустота. Попробуй пересказать стишок – ничего не получится.

Ну сижу я на балконе, ну на другом какие-то дети. Мальчишки. Кажется, они говорят обо мне. Чушь какая-то, а в стихах всё получается.

подростки сидящие на соседнем балконе
говорят шёпотом посмотрите там какая-то
женщина
думаю о чём вы ведь со мной же нет никакой
я одна среди нецветущих лимонных деревьев
некрашенных досок
нерождённых детей

Больше всего в стихах мне нравится эта наполненная пустота. Жизнь – это и есть пустота. Клейкая, плотная, шебаршащаяся.

Всё, что останется у нас от жизни, – это тоже она, пустота. Пустые рамки от портретов, место рядом с тобой, где когда-то спали, зеркало, которое отражает уже не вполне тебя.

Странные буквы, странные звуки.
в невозможной дали
летит
голубой метеорит из мультфильма
и небеса горят
кажется что в меня
но не закрываюсь руками —
пусть летит
пусть болит
моя затаённая нежность
моя медленная звезда
сердце разбередит
даст почувствовать радость жестокую и
всесильную
горечь под языком косточек апельсиновых

Когда ты поэт, у тебя есть только два состояния.
Первое — ты пишешь и слушаешь. Второе — когда стихи уже написаны и ты живешь в вакууме и пустоте. Это совсем другая пустота, не пустота гудящего или скребущегося слова.

Но потом опять приходит звук — и начинает плести свою историю, складываться в новый, непонятный сперва узор. Но вот же он, перед тобою текст, смотри: он живой. Его нельзя уже затолкать в твою золотую голову обратно.

а выйдет ли тая
а будет ли тая
в светло-желтом кримпленовом платье

Нет, Тая не выйдет. Она уже сорок лет не выходит.

но всякий раз
стоя в пробке у арбатских ворот

невольно поворачиваешь голову:
вдруг да пройдёт
в золотой короне
первых апрельских купальниц?

Нам жалко себя, нам жалко невышедшую сорокалетнюю Таню. Но у нас есть утешение: мир наших стихов куда сложнее, чем нам показалось раньше. Тетя Таня когда-нибудь выйдет и такое нам скажет...

...Прочел тут недавно. В Москве спасатели приехали вскрывать захлопнувшуюся у кого-то дверь, открыли, но потом случайно закрылись сами. Проверяли: все ли теперь нормально. Захлопнули дверь со стороны квартиры, а инструменты остались снаружи. И дверь снова предательски решила не открываться.

В общем, этим спасателям пришлось вызывать еще одних спасателей.

Это же про стихи.

И Александра Шалашова это отлично знает.

Мы открываем один текст (должны его открыть), оказываемся в нём, и теперь нам нужны новые инструменты, чтоб перейти в другой. Потому что старые инструменты остались за дверью. А вызвать на помощь некого. Только всё сами, сами.

И вот ты пишешь новый тест, новое спасительное стихотворение — и всё повторяется заново.

Дмитрий Воденников

*Пятьдесят
писем к А. Л.*

1

и вот дали сердце —
чувствительное ко всякому шороху
прыжку синичьему
писку ласточки
ласковые руки
расположенные к тонкой работе
биению струны
трепетанию ивы
течению ветра
и как же выходит что ни к чему
не приспособлю и не прилажу
плывут в конце долгого дня
изломанные
ветви реки
утки реки
трупы реки
нигде ожидая меня

2

в соловьином саду
возле самой Волги-реки
среди песен любви не моих
поднимаются травы
голос в горле затих
притаился прислушался

как говорить не страшась
не заливаясь румянцем
и не путать паронимы
размышляя полночи
как ты сказала тогда
эффективный или эффектный
ничего-то не можешь
а ещё учишь детей
притворяешься смелой и сильной

— необъяснимо
соловьи окликают друг друга
и черёмуха завтра расправит тонкие кисти